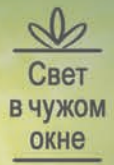

Светлана Талан

Несчастливое детство оставило глубокие рубцы в сердце Павлины: она стыдится себя и избегает мужчин. Но ее мама всегда говорила, что любой кошмар заканчивается. И это время настало! Теперь Павлинка привлекательна и уверена в себе! Она знакомится с Юрой, и молодой человек открывает ей неизведанное чувство любви. Казалось, самое страшное уже позади, но вдруг Юра уезжает не попрощавшись. Что же такого он узнал?

Светлана Талан

Надежда

Надежда

КСД

bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8935-2

9 786171 289352

СВЕТ В ЧУЖОМ ОКНЕ

Світлана Талан
Надежда

РОМАН

ХАРЬКОВ
2021 **КСД**

УДК 821.161.1(477)
Т16

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

ISBN 978-617-12-8935-2

- © Талан С. О., 2021
- © DepositPhotos.com / ghoststone, chaoss, обложка, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

*Посвящаю всем мамам,
которые с нами рядом,
и тем,
которых уже нет*

Домик на колесах

Я перевернулась с боку на бок, вытянула отекавшие ноги и отложила в сторону недочитанную книгу. С верхней полки купе вагона было интересно наблюдать за убегающими вдаль стройными соснами. Они тянулись вдоль железной дороги уже сотни километров, иногда уступая свое законное место на земле небольшим деревням с далеко разбросанными один от другого домиками, поселкам и даже городам со своими неуклюжими новостройками-близнецами. Тогда вдаль начинали убежать дома и оставались позади жители населенных пунктов. Ночью я спала под монотонный убаюкивающий стук колес, утром позавтракала с соседями по купе, которые вскоре вышли на маленькой, затерянной среди множества сосен станции, и я осталась одна.

Я подумала о том, что почему-то в дороге, особенно в поездах, царит какая-то атмосфера доверия. Сначала придиричиво, с сомнением пассажиры осматривают своих новых соседей, бросая вскользь оценивающие взгляды, а потом, через какие-то полчаса, уже знакомятся и рассказывают друг другу

о себе. Почему-то совсем незнакомым людям легче рассказать о самом сокровенном, открыть тайну и даже попросить совета. Домик на колесах, как когда-то в детстве я называла вагон, располагает людей к откровенности, и они с малознакомыми соседями говорят о том, о чем не могут рассказать даже своим близким. Иногда они обмениваются адресами, телефонами и много лет поддерживают связь с теми, кого видели один раз в жизни и то несколько часов. Бывает и так, что при расставании забывают взять адрес доброго случайного соседа, а потом долгие годы память хранит его образ. Случается, что домик на колесах везет в себе любовь, и два одиноких сердца здесь встречаются друг друга, чтобы уже никогда не расставаться. Разве я не права?

Неужели ваша память не хранит образ какой-то старушки, давным-давно случайно встреченной в вагоне? Она вам, возможно, ничего не посоветовала, вы даже не поделились с ней ничем сокровенным, и, скорее всего, ее уже нет в живых, а вот нет-нет да и вспомните ее с корзиной больших ароматных зеленовато-желтых осенних яблок. Может быть, она была одинокой и ее могила давно заросла сорняками, о ней некому вспомнить, а ваша память, независимо от желания, хранит образ этой простой женщины. Я лежала и думала: почему так

происходит? Возможно, зная, что нам придется провести несколько часов в одном вместительном домике, пожить под его общей крышей, всем вместе согреваться в нем, мы на некоторое время становимся одной большой семьей. Входя в новую семью, мы хотим казаться лучше, чем мы есть, добрее, чем на самом деле, чище душою. И мы оставляем за порогом домика на колесах все свои плохие качества и с удовольствием делимся с соседом своим обедом, а потом и своими бедами, радостями, успехами. Став одной большой семьей, мы меняемся местами, без скандала, добровольно отдавая соседу свое удобное место, которое несколько часов назад с криками выбили для себя у кассира. На станциях мы провожаем своих соседей, помогая им дотащить до двери вагона тяжелые сумки, хотя на улице для случайного прохожего вряд ли будем это делать с таким удовольствием. Мы провожаем их, как давних добрых друзей, и когда заходят в наш общий домик на колесах новые пассажиры, встречаем их настороженными, изучающими взглядами, пряча подальше свои кошельки. Это в нашу семью вошел чужой человек, привнеся дискомфорт. Но не проходит и часа, как мы к нему привыкаем, за одним столом пьем с ним чай, с удовольствием едим его домашнюю колбасу, принимая уже за своего.

«Да, интересные эти домики на колесах», — улыбнулась я сама себе и своим размышлениям и подумала: кто же будет теперь моим соседом? Ведь ехать мне еще долго. «Если молодая пара, то будет весело, — думала я. — Если женщина, будет интересно, если мужчина...» Я не успела закончить мысль, как поезд остановился на какой-то станции и громыхнула дверь вагона. Из моего окна не было видно названия станции, но ведь все равно сейчас кто-то зайдет, внося с собой свежий воздух с улицы, и все расскажет.

Дверь моего купе отворилась, и в проеме появилась женщина лет сорока — сорока пяти.

— Слава Богу, успела! — сказала она, втаскивая впереди себя увесистую полипропиленовую сумку.

Она тяжело дышала и сразу же плюхнулась на сиденье, желая перевести дух.

— Здравствуйте, — сказала она, вытирая платочком пот с раскрасневшегося лица. — А то я зашла и повела себя по-свински — забыла поздороваться.

— Здравствуйте, — отозвалась я, с любопытством ее рассматривая с высоты верхней полки.

Эта рано поседевшая и явно выглядящая старше своих лет женщина казалась уставшей, измученной работой и самой жизнью. Увы, красавицей назвать ее было трудно. Даже слова «симпатич-

ная» или «приятная женщина» никак к ней не клеились. Она была полноватая, шея, выдающая возраст женщины, у нее практически отсутствовала, и казалось, что голова с толстыми обвисшими щеками сидит прямо на плечах. Серые волосы были коротко подстрижены и обрамляли ее красноватое лицо с невыразительными глазами и тяжелыми веками. Ее лицо не красили и редкие, но широкие светлые брови, и уж совсем портил большой мясистый нос, свисавший картофелиной почти до линии узких прямых губ. Создавалось впечатление, что нос, не выдержав своего веса, просто поник.

— Ты, деточка, давно уже едешь? — обратилась она ко мне с традиционным вопросом, чтобы начать разговор.

— Меня зовут Поля, можно Паша, — представилась я. — А вас?

— Можно тетя Лида, — ответила она. — Долго тебе еще ехать?

— Долго, еще день и ночь. А вам?

— И мне долго, детка, — вздохнула она.

— Что же так невесело, тетя Лида? В гости едете?

— Дочка у меня, Аня, такого возраста, как ты, — как-то грустно произнесла женщина, и только теперь я заметила, что у нее заплаканные глаза и темные круги под ними, говорящие о бессонной ночи, возможно не одной.

— Она заболела?

— Ох, не знаю даже, как и сказать. — Женщина тяжело вздохнула, внимательно рассматривая меня. — Хуже это болезни или лучше. Ты вот, Паша, красивая, зеленоглазая, губки яркие и без помады, и носик у тебя точеный, а волосы — просто загляденье!

— Рыжие, — вставила я.

— Рыжие, но какие пышные, кудрявые, длинные! Наверное, мужики толпой бегают за тобой?

— Да прям уж и толпой! — улыбнулась я, ловко уйдя от ответа.

— А моя Аня красотой обделена. Да и в кого ей быть красавицей? У нас все в роду некрасивые. И муж у меня был, царство ему небесное, — женщина перекрестилась, — самый некрасивый парень в деревне. В молодости никак себе пару найти не мог — все девки от него шарахались. Вот он и прибился ко мне, тоже никому не нужной. Правда, человек был замечательный, жили мы с ним душа в душу, Аню в любви родили.

Женщина сделала паузу, очевидно перенеслась мысленно в далекое прошлое, а я молчала, не находя нужных слов.

— Говорят, от любви красивые дети рождаются, да видно, это все выдумки. Вроде бы и любили мы с мужем друг друга, а вот Аня... Ане досталось все

худшее, что было в моей и мужа внешности, — сказала женщина, и мне стало искренне жаль ее дочь. — Конечно, мы ей с детства внушали, что не в красоте счастье, главное, чтобы судьба выпала хорошая. Говорили, потому что хотелось в это верить, и все силы потратили на то, чтобы воспитать ее хорошей, доброй девочкой, да и хозяйкой на все руки. Учиться в город послали, она стала медсестрой. Как приедет в отпуск, спрашиваю: «Анечка, есть у тебя кто-то? Встречаешься с мальчиком?», а она мне в ответ: «Мама, посмотри на меня! Кому я нужна? Разве что какому-нибудь пьянице, который глаза зальет и не заметит, какой у меня нос». Она шутит, а у меня сердце кровью обливается. Для нас с отцом она ведь самая лучшая. Веришь мне, Паша?

Я верила этой некрасивой женщине, если вообще применим такой эпитет к женщине. Не прошло и полчаса, как она вошла в купе, а я уже прониклась к ней доверием, и мне жаль ее и незнакомую мне Аню, ее дочь. Наверное, так бывает только в домике на колесах.

— Верю, верю, тетя Лида, — ответила я, невольно вспоминая о своем прошлом.

— А потом у нее появился парень. Отец не дождался этого момента — сердце схватило, и сразу умер. Может, оно и к лучшему, что он не дожил до сегодняшнего дня. Грех так говорить, но...

Женщина вытерла платочком набежавшую слезу и продолжила:

— Анечка на седьмом небе была от счастья, а я — тем более. Думала, услышал наконец-то Бог мои молитвы и послал дочери хорошего человека. Год они встречались, и дело шло к свадьбе. А потом он... Он ушел от Ани к ее подружке, бросив на прощание самое обидное: «Кому ты нужна, уродина?» Аня не выдержала этого и вскрыла себе вены. Хорошо хоть, что сделала она это на работе. — Женщина плакала без слез — видно, все уже выплакала. Потерев покрасневшие глаза, она продолжила: — Спасли ее, но она, глупенькая, твердит одно: «Не хочу жить, я никому не нужна, я — уродина».

— И что же теперь с ней? — с участием спросила я тетю Лиду.

— Забрали в психушку и держат там. Оттуда не выпускают, пока не перестанет думать о самоубийстве.

— Вы разговаривали с лечащим врачом?

— А как же! Разговаривала по телефону.

— Ну и что он говорит?

— Вроде бы немного успокоилась, не плачет уже, но жить не хочет. Впала в депрессию, потеряла интерес к жизни, не ест, не пьет... Я сначала думала: ну упорола глупость, порезала вены сгоряча, а теперь успокоится, одумается, а там, даст Бог,

встретит нормального человека, и забудется былое. Время лечит и не такие раны. Ты знаешь, Паша, я и не собиралась ехать. Повидать-то ее хочется, но ведь время тяжелое, за рабочее место надо держаться, я еще не на пенсии. Да и расстояние огромное, билеты недешевые. Думала, лучше заработаю лишнюю копейку и ей перешлю, хоть какая-то помощь будет. Чего же лишний раз кататься туда-сюда?

— А потом все-таки решили поехать? — спросила я, чтобы поддержать разговор.

— А теперь надо ехать. Надо найти какие-то слова утешения. Я две ночи не спала, все пыталась придумать, что мне ей сказать, какие найти слова. Уже и билет взяла, и в поезд села, уже и еду, а что буду ей говорить, до сих пор не знаю. Понимаешь? Нет слов, как будто туман в голову влез, ничего не соображаю. Еду дочь спасать, а как это буду делать — не знаю, до сих пор не знаю, — вздохнула она.

— Надо внушить ей, что надежда есть всегда, — попробовала я дать ей совет.

— Как? Сказать, что случится чудо и однажды она проснется красавицей? — горько усмехнулась женщина.

— Во-первых, она должна полюбить себя такой, какая она есть, — с горячностью сказала я, свесив голову вниз.

— Да мы с мужем так ее и воспитывали. Но Аня уже взрослая девочка и реально смотрит на вещи. Конечно же, в больнице я опять буду ей говорить, что каждый человек заслуживает счастья, что встретила она не того, кого надо, а ее половинка где-то бродит, ищет ее. Я скажу, что счастье — это не только любимый рядом. Но, понимаешь, Паша, у нее чувствительная, ранимая душа, и ей хочется простого женского счастья, хочется знать, что она кому-то нужна, что кто-то ее ждет.

— Так оно и будет! Разве можно отчаиваться из-за какого-то подонка?! Он того не стоит! — Я так пылко это говорила, что чуть не свалилась вместе с матрацем вниз.

Спрыгнув на пол, я перетасила свои пожитки на свободную нижнюю полку. Найдя в сумочке резинку, я стянула ею свои пышные рыжие волосы в объемный пучок и уселась напротив тети Лиды. Присмотревшись к ней, я отметила, что переживания оставили след на ее лице. Теперь она мне не казалась такой уж некрасивой. За неприглядной внешностью скрывалась ее душевная красота, ее благие намерения и море тоски.

— Это я тоже скажу. Но будет ли ей легче, если ее избранника, пусть даже бывшего, я назову подонком?

— Самое главное — это надежда. Она никогда не должна покидать человека. Сейчас у вашей дочери ее нет, поэтому она не хочет жить. Вам надо дать ей ее, надежду. Понимаете?

— Я-то понимаю. А как ей донести все это? Как найти нужные слова?

— Скажите, что человек не должен терять надежду ни при каких обстоятельствах. На то мы и люди, чтобы надеяться на лучшее. Сегодня мы проснулись и надеемся, что будет хорошая погода, хотя синоптики пророчат нам дождь. Мы едем на работу и надеемся, что на дорогах не будет пробок, хотя они есть там каждый день. А еще надеемся, что день пройдет удачно, хотя знаем, что начальник — дурак и при любых обстоятельствах обязательно испортит настроение. Мы надеемся, что не заболеем гриппом, хотя все вокруг чихают. Нас треплет жизнь иногда так, что кажется, уже не найти выхода из тупика, но он есть, все равно есть выход, надо только надеяться! Даже в комнате без окон и двери найдется незаметная маленькая щель, нужно только надеяться и искать выход!

— Если бы я могла такими словами говорить! — вздохнула тетя Лида.

— Скажите ей, что даже смертельно больные люди надеются на то, что выживут, и некоторые остаются жить потому, что они верили, надеялись.

Она же сама медработник и должна это знать. Даже у умирающего человека, который ясно осознает, что покидает этот мир, остается надежда, что после смерти его ждет другая, лучшая жизнь! — Я с таким жаром это говорила, словно передо мной была не тетя Лида, а впавшая в отчаяние незнакомая мне девушка Аня.

— Ты так красиво говоришь, Паша! — восхитилась женщина.

— Скажите Ане, что я читала в одной книге, написанной умным человеком, что удача, счастье бывают иногда коварны. Они имеют обыкновение пользоваться черным ходом и часто скрываются под маской неудачи. Один человек опустил руки, как она, и не заметил Жар-птицу счастья. А другой, в ком живет надежда, сорвет эту маску и увидит лицо счастья. Или просто дождется, когда счастьем надоест прикрываться маской и оно снимет ее, — говорила я, не зная сама, откуда у меня появилось сразу столько умных мыслей.

— Правда? — с надеждой спросила тетя Лида, и ее лицо стало на миг по-детски наивным.

— Конечно!

— Постараюсь ей передать все твои слова.

— Вот и передайте. Давайте закажем чай, — предложила я, решив, что чашка горячего чая немного успокоит несчастную мою попутницу.

— Давай, — согласилась она.

Вскоре мы пили ароматный чай, дружелюбно поглядывая друг на друга. Тетя Лида немного повеселела и приободрилась.

— А откуда ты все знаешь? Ты ведь такая красивая, одета с иголочки и, наверное, счастливая.

— Вы думаете, у меня в жизни все было гладко?

— Думаю, что таких, как ты, уверенных в себе, красивых и умных, неудачи обходят стороной.

Я улыбнулась.

— Все так думают. Но и в моей жизни были черные полосы, тянувшиеся не один день. Я выжила благодаря надежде.

— Правда? — удивилась тетя Лида.

— Перед тем как стать красивой, мне пришлось побыть Гадким утенком, — горько усмехнулась я.

— Не может быть! — всплеснула руками женщина. — Я все время думала, что красивые счастливы уже от рождения!

— Не всегда, — сказала я, и в памяти моей всколыхнулось прошлое.

И тут мне захотелось рассказать этой женщине о своей жизни, начиная с того момента, как я стала осознавать себя. «Это все домик на колесах», — снова подумала я и сказала:

— Я хочу вам рассказать историю своей жизни. У вас с Аней будет время пообщаться. Рассказывайте

ей все, что от меня услышите, не спеша, по частям, на ночь, как в детстве сказки, дав ей возможность подумать и сделать выводы. Может быть, мой рассказ поможет вернуть ей надежду. Мы с вами расстанемся на какой-то станции и никогда больше не увидимся. Конечно, мы могли бы обменяться телефонами или адресами, но тогда я не смогу рассказать вам всю правду. Я хочу помочь вам, вашей дочери, поэтому мой рассказ будет без обмана и без утайки. Я уверена, что он поможет вам спасти дочь, — твердо сказала я, окончательно решившись, и усе-лась удобнее напротив тети Лиды, приоткрывшей от удивления рот с узкими бесцветными губами.

Размышления о детстве

*М*не кажется, что окружающий мир разделен пополам: в одном существует детство, во втором — взрослая жизнь, а дети и взрослые живут будто в разных странах. В детстве смотришь на мир, как на чудо, и умеешь видеть необычное в самом обычном, понимаешь, о чем говорят кошки и собаки, можешь надежно спрятаться под одеялом от привидения, а под столом построить свой собственный домик. Только в детстве руками можно дотянуться до радуги и искренне верить в то, что научишься летать, а утро навсегда избавляет от кошмара ночи. Детство замечательно еще тем, что у него нет прошлого, оно живет в своем настоящем, прекрасном и чистом мире. В детстве мы свободны от реалий жизни, и только будучи детьми мы — настоящие. Детей называют ангелами. Почему? Наверное, потому, что они не знают чувства ненависти и живут в мире любви, где обиды тают от улыбки мамы, а каждый день приносит новые открытия. Детство — непорочное, оно святое, и бесценно тем, что не знает, как трудно быть взрослым. Оно заканчивается тогда, когда воспоминания вызывают

грусть и хочется в него вернуться, а игрушкой становится сама жизнь. С годами память отсеивает все лишнее из детских воспоминаний, оставляя только радужное, светлое — то, чего не коснулась проза жизни. Взрослые всегда хотят вернуться в мир красоты, сказки и фантазии. Я помню свое детство до мелочей. Время стерло некоторые эпизоды, оставив место для воспоминаний о самом светлом человеке моего детства — о моей мамочке...

Ранние воспоминания

Из раннего детства я хорошо помню свою детскую кроватку, стоящую в спальне мамы и папы. Она мне казалась такой уютной, теплой и удобной. Особенно запомнилась подушка, на которой были маленькие желтые солнышки. Я любила их рассматривать перед сном. Мама, укладывая меня спать, заботливо укрывала одеялом, подтыкала его со всех сторон, гладила меня по волосам и целовала на ночь.

— Спи, мое солнышко! — говорила она, и я помню, как приятно звучал ее ласковый голос, успокаивал меня и убаюкивал.

— Это солнышко? — Я показывала пальчиком на рисунок на подушке.

— Нет, ты солнышко, причем самое лучшее.

— Почему?

— Потому что ты — мое солнышко, — улыбалась мама.

Я клала «ручки под щечку», как учили в садике, и зажимивала глаза. Иногда мне ночью становилось страшно, но я не кричала, не звала на помощь, а просто выползала из-под одеяла и, сделав

несколько шагов, попадала прямо в теплые и надежные мамины объятия. Нырнув к маме под одеяло, я прижималась к ней, и все мои детские страхи мгновенно улетучивались. Я всегда делала это молча и тихо, боясь разбудить спящего рядом папу. Сколько я себя помню, он все время ругался и кричал, поэтому я боялась его всегда. Этот страх жил во мне чуть ли не с самого рождения.

Утром папа всегда кричал на маму, упрекал в том, что она долго возится, что завтрак невкусный, что чай холодный — и так без конца. Мама сама меня одевала, вела в садик, целовала и просила вести себя хорошо. Вечером она забирала меня домой. Мы с мамой по дороге покупали мороженое, ели его, мама была веселой, играла со мной, а потом мы приходили домой и становились тихими мышками, боясь гнева папы. Я забивалась в угол и там на коврик раскладывала свои куклы и играла, шепотом с ними разговаривая. Когда я немножко подросла, меня стали отпускать поиграть к соседской девочке Вале, которая была чуть старше меня. Нам разрешали играть у них в саду. Летом там было хорошо, и мы строили шалаш в кустах сирени, стаскивали туда своих кукол и могли играть целыми днями. А вот когда наступали холода, папа запрещал мне ходить к соседям. Я была ребенком тихим и послушным и быстро усвоила, что к Вале

можно ходить, только когда папы нет дома. Иногда Валя приходила ко мне, но сразу же прибежала ее мама и почему-то забирала мою подружку домой. Я тогда сделала вывод: тетя Валя тоже боится моего папу.

Меня всегда купала в ванне мама. Она напускала воду, мы делали много пенки и бросали туда игрушки. Мама меня раздевала, сажала в ванну и была рядом со мной, при этом всегда запирала дверь. Я купала свои игрушки, бросала в маму пенку, и нам было очень весело.

— Ты зачем закрываешь дверь?! — иногда раздавался папин голос. Он стучал в дверь, и от его громкого, грозного голоса мы обе притихали.

— Я купаю ребенка, здесь тепло, а там — холодно, — отвечала мама.

— Мне не холодно, — говорила я. — Мне тепленько.

— Открой дверь! — гремел голос папы.

Мама приоткрывала дверь, и папа стоял у двери, наблюдая за мной. Но при нем я уже не шалила и начинала пенкой тщательно мыть руки и волосы.

— Иди приготовь ужин, я ее буду купать, — сказал однажды папа.

— Не надо, я сама, — не согласилась мама и начала намыливать мне голову шампунем.

— Я сказал — иди! — закричал папа так, что я вздрогнула, а потом замерла.

— Нет, — спокойно, но твердо произнесла мама, продолжая мыть мне голову.

Я испугалась и, чтобы папа на нее не кричал, сказала:

— Я хочу купаться с папой.

— Вот видишь, Паша хочет купаться с папой, — сказал, улыбаясь, папа и начал раздеваться.

— Нет! — Мама встала между ванной и ним.

— Тварь! — крикнул папа так, что я испугалась и заплакала. — Уходи!

— Нет! Выйди отсюда. — Мама расставила руки в стороны, словно пытаюсь меня от него защитить.

А я прижала к себе пластмассового утенка и заревела. Тогда отец с размаху ударил маму по лицу, и она, вскрикнув, упала в ванну и затихла. Я помню, как папа вытащил из воды обмякшую маму и отнес ее на диван, как я, вся в пене, вылезла из ванны и пошла за ними. Я плакала и, все так же прижимая к себе утенка, стояла возле мамы до тех пор, пока не пришла незнакомая тетя в белом халате. Она кинулась к маме, приподняла ее голову, и я увидела на подушке кровь.

— Мама! — закричала я, обмирая от страха, но мама не шевелилась.

— Убери ребенка, что ты смотришь! — крикнула незнакомая тетя папе.

— Я хочу к своей маме! — выкрикивала я сквозь плач, впервые потеряв страх перед отцом, и била его кулаками.

Папа кое-как одел меня и почти силой уложил в кроватку.

— Лежи тихо, а то убью! — наклонившись ко мне, сказал он так, что я сразу перестала реветь и натянула на голову одеяло.

Под ним я долго всхлипывала. Мне хотелось нырнуть под одеяло к маме, чтобы оказаться в безопасности, но ее не было.

На следующий день папа впервые повел меня в садик. Я показала ему, где находится моя группа.

— Где моя мама? — спросила я его.

— Мама в больнице.

— Почему?

— Она заболела.

— Папа, ты ее убил? — задала я ему недетский вопрос.

— Паша, мама сама упала в ванной, когда тебя купала, — присев на корточки, объяснил он.

— Папа, мама не сама упала, ты ее убил, — упрямо повторила я, решив, что папа забыл, как все было.

— Запомни, Паша, — папа больно тряхнул меня, — мама сама упала. Поняла?

— Да, — испугавшись, ответила я.

— Вот и умница. Повтори, что ты запомнила! — потребовал папа.

— Мама упала, — сказала я, и из моих глаз за- капали слезы.

— Сама упала, — диктовал мне отец.

— Сама упала, — повторила я дрожащим от страха голосом.

— Что ты деткам скажешь?

— Мама сама упала, — тихо повторила я.

— Вот и умница, — похвалил меня отец и завел в группу.

Переодевшись, я выглянула в окно и, не увидев отца, сказала няне:

— Меня папа привел.

— Мы это видели. А где же мама? — спросила она.

— Мама в больнице, — сообщила я громко, чтобы все дети слышали.

— Мама заболела? — спросила воспитательница.

— Мама сама упала, — повторила я заученную фразу и добавила: — Ее папа ударил, и мама сама упала. У нее на головке была кровь!

Мой рассказ заинтересовал детей, и я вмиг оказалась в центре внимания.

— Вот зверь! Когда-нибудь он убьет эту несчастную женщину, — сказала воспитательница няне.

— А кто ей виноват? — отозвалась та. — Пусть бросает его и бежит подальше, куда глаза глядят!

— Куда ей идти-то? — Воспитательница вздохнула. — Некуда ей податься.

Из их разговора я тогда поняла одно: папа — зверь. А потом Алена протянула мне свою домашнюю куклу и я забыла о подслушанном разговоре. Вечером меня никто не забрал, и воспитательница отвела меня в ночную группу.

— Побудешь какое-то время здесь, — объяснила она мне. — А мама выздоровеет и заберет тебя. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась я, поняв своим детским умом, что здесь мне будет лучше, чем дома без мамы.

Забирать меня на выходные пришел папа.

— Мама болеет? — спросила я его.

— Да. Мама еще болеет. Одевайся, пойдем домой, — сказал папа.

Говорят, что дети быстро забывают плохое, в отличие от взрослых. Наверное, так оно и есть. На этот раз папа не ругался, и вечером я уже носилась по комнатам со своими куклами, забыв на некоторое время о маме. Отец накормил меня ужином и спросил:

— Паша, ты любишь своего папу?

— Люблю! — весело ответила я.

— Иди ко мне, — ласково сказал он и посадил меня на колени.

— Папа, ты колючий, — отметила я, трогая пальчиком его щеку. Было и страшно, и в то же время приятно от такого внимания папы.

— Покажи, как ты папу любишь, — попросил он.

Я крепко обняла его за шею и прижалась к колючей щеке. Я всегда так обнимала маму, когда мы бывали с ней одни.

— А теперь скажи, доченька: «Папочка, я тебя люблю», — попросил он, прижимая меня к себе.

— Папочка, я тебя люблю. — Я опять обхватила его за шею крепко-крепко, как только могла. — Ты будешь со мной играть?

— Буду. Во что ты хочешь поиграть?

— В лошадки! — обрадовалась я предоставленному мне выбору.

Папа стал на четвереньки, и я забралась на него. Он фыркал и брыкался, стараясь меня расшевелить.

— А теперь надо искупаться и ложиться спать, — закончив игру, объявил отец.

До этого меня всегда купала мама, и теперь я вспомнила о ней, потом о том, как папа ее ударил и она упала.

— Я хочу с мамой, — захныкала я, потому что мне вдруг стало страшно.

— Паша, мама сейчас в больнице, а ты грязная и потому нехорошая девочка. Папа напустит теплой водички, искупает тебя и уложит в кроватку. Хорошо? — Он обнял меня.

— Хорошо, — согласилась я. — Я хочу быть чистой девочкой.

Отец включил воду и набросал в ванну игрушек.

— Давай я тебя раздену, — и он принялся расстегивать на мне кофточку.

— Я сама умею, — запротестовала я. — Мы в садике сами раздеваемся.

— Я тебе помогу, — сказал он, продолжая снимать с меня одежду.

Он посадил меня в ванну, где было все, как при маме, — много пены и любимые игрушки.

— Паша! — позвал он меня. — Улыбнись, папа снимет тебя на камеру.

Я повернулась и, улыбнувшись, подбросила пенку вверх.

— Вот умница! — похвалил меня отец, и я начала шалить.

— Теперь поднимайся, вот так, хорошо. Аккуратненько выходи, бери полотенце, обмотайся, — говорил мне отец, продолжая снимать.

Мне понравилась такая игра, и я все делала так, как он хотел.

— Теперь иди в спальню. Нет, нет, не в свою кроватку! Ложись на место мамы.

Я с удовольствием забралась на их большую кровать, а отец положил на тумбочку камеру и подошел ко мне.

— Надо тебя вытереть, а то замерзнешь, — сказал он, разматывая полотенце.

Он начал меня вытирать, а я засмеялась и сказала:

— Щекотно, папа.

— Раздвинь ножки, посмотрим, все ли у нас там в порядке? Ай-ай-ай, непорядок! Надо смазать кремом, — сказал он.

Так мне говорила и мама, и я позволила ему сделать это. Больше всего я боялась гнева папы, понимая, что должна делать все, что он скажет.

Отец надел на меня футболочку и укрыл одеялом.

— Давай спать, — сказал он, гася свет.

— А трусики? — спросила я.

— Не надо трусики, спи так. Обними своего папочку и покажи, как ты его любишь, — попросил он.

Я обняла его за шею и прижалась к нему.

— Я люблю тебя, папочка. Спокойной ночи.

Я почувствовала, что папа весь дрожит, и спросила:

— Ты замерз?

— Да, — ответил он. — Погрей меня.

Послесловие

Я не захотела обратно лететь на самолете, а поехала на поезде. Мне хотелось еще раз, уже последний, проехать мимо знакомого перрона, чтобы навсегда проститься с прошлым Гадкого утенка. В ближайшие мои планы входило сдать экзамены и перевестись в тюменский институт. Надо было поставить на могилку мамы красивый и необычный памятник и поблагодарить Степана Ивановича за все, что он сделал для мамы и для меня. Поблагодарить и проститься с ним, ибо я собиралась покинуть этот город.

Здесь, в домике на колесах, я рассказала историю своей жизни случайной попутчице тете Лиде и, надеюсь, хоть косвенно помогла ее дочери Ане.

«Надеяться, главное — надеяться, — думала я. — Именно надежда помогает людям в трудную минуту. Из нее мы черпаем жизненные силы, чтобы устремляться вперед, к новым вершинам. Так учила меня мама, и в этом я убедилась сама. Хотя, если честно, она, эта надежда, однажды чуть было меня не покинула».

2010 год

Содержание

Домик на колесах	7
Размышления о детстве.....	21
Ранние воспоминания	23
Ненавижу Андерсена!.....	37
Правда.....	48
Прощание с детством	75
Чудесное превращение Гадкого утенка	87
Неля	93
Первое свидание	106
Мои каникулы в родительском доме	121
Наш побег	143
Юра.....	154
Наши мамы	169
Пожарище.....	180
Васек.....	195
Мое счастье.....	208
Свидетели Иеговы.....	216
Афродита	233
Воришка	241
День рождения	251
Самый лучший праздник	260
Ощущение приближающейся грозы	273
Несчастье	281

Арест	291
Флешка	302
Возвращение Юры.....	317
Юрин резерв	324
Болезнь	334
Фотограф.....	342
Разоблачение	356
Висяк.....	364
Разлука с другом.....	372
Ловушка	383
Подвал.....	391
Это был не сон	403
Возвращение	410
Прекрасная нимфа	433
Отчаяние	439
Хочу посмотреть ему в глаза!	449
Встреча.....	455
Послесловие.....	475

Літературно-художнє видання

ТАЛАН Світлана

Надія

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 16.07.2021.
Формат 70x100/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 19,35.
Наклад 4000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ТАЛАН Светлана

Надежда

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 16.07.2021.
Формат 70х100/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 19,35.
Тираж 4000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Нешасливе дитинство залишило глибокі рубці в серці Павлини: вона соромиться себе і уникає чоловіків. Але її мама завжди казала, що будь-який кошмар закінчується. І цей час настав! Тепер Павлінка приваблива і впевнена в собі! Вона знайомиться з Юрою, і парубок відкриває їй незвідане почуття кохання. Здавалося, найстрашніше вже позаду, але раптом Юра їде не попрощавшись. Про що ж він дізнався?

Талан С.

Т16 Надежда : роман / Светлана Талан. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 480 с.

ISBN 978-617-12-8935-2

Несчастливое детство оставило глубокие рубцы в сердце Павлины: она стыдится себя и избегает мужчин. Но ее мама всегда говорила, что любой кошмар заканчивается. И это время настало! Теперь Павлінка привлекательна и уверена в себе! Она знакомится с Юрой, и молодой человек открывает ей неизведанное чувство любви. Кажется, самое страшное уже позади, но вдруг Юра уезжает не попрощавшись. Что же такого он узнал?

УДК 821.161.1(477)